

Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху

Д.Г. Доброродный

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В.А. Белокрылова

Белорусский государственный экономический университет,

Минск, Беларусь

Аннотация

В статье рассматривается специфика современного конвергентного развития информационных и социальных технологий, анализируются особенности их социализации, фиксируются атрибутивные черты социальных технологий, реализуемых на цифровой платформе. В работе выявляются причины возрастающего запроса на социальные технологии, эксплицируется их роль в постиндустриальном обществе. Социотехнологический бум последних десятилетий связывается авторами с потребностью трансформации «вертикальных» управленческих практик в направлении распределенного и максимально индивидуализированного влияния. Сетевому формату коммуникации современного общества, утвердившемуся благодаря развитию информационных технологий, коррелятивны «мягкие» технологии социального проектирования, которые обеспечивают не просто подчинение и дисциплину, а высокомотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность, креативность. При этом личные границы, ставшие для современного человека важнейшей составляющей психологического благополучия, оказываются проницаемыми для объединенного воздействия социальных и информационных технологий. «Капитализация человеческого капитала» в информационную эпоху имеет буквальное значение, поскольку именно индивидуальные знания, навыки, инициативность становятся основной ресурсной и конкурентной базой цифровой экономики. На примере *Agile*, одной из ведущих социальных технологий в современной ИТ-индустрии, проанализирована специфика организации труда компактных творческих групп. Обозначены этические аспекты применения конвергентных информационных и социальных технологий. В статье обосновывается, что актуальной практической повесткой обладает задача противодействия деструктивным воздействиям со стороны социальных техноло-

гий, реализуемых на информационной платформе. Гуманистические ориентиры конструктивного социально-технологического проектирования еще только предстоит сформулировать.

Ключевые слова: социальная философия, философия техники, социализация технологий, социальный технологический детерминизм, социальное влияние, мягкое управление, человеческий капитал.

Добродородний Данила Григорьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета.

danila_dobr@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>

Белокрылова Вера Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета.

ralfinaster@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

Для цитирования: *Добродородний Д.Г., Белокрылова В.А.* Конвергенция информационных и социальных технологий в цифровую эпоху // *Философские науки.* 2020. Т. 64. № 5. С. 71–92.

DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92

Convergence of Information and Social Technologies in the Digital Age

D.G. Dabrarodni

Belarusian State University, Minsk, Belarus

V.A. Belakrylava

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

Abstract

The article discusses the specifics of current convergent development of information (IT) and social technologies (ST) and their socialization as well as defines the characteristic features of ST implemented on a digital platform. The authors analyze the reasons for the increasing demand for ST and explicate their role in post-industrial society. The authors believe that the boom of ST over the recent decades is associated with the need to transform “vertical” management practices toward distributed and maximally individualized usage. The network communication format in modern society, established due to IT development, is correlated with “soft” social

design technologies, which provide not just subordination and discipline, but highly motivated work, initiative, emotional involvement, and creativity. At the same time, personal boundaries, which have become the most important component of psychological well-being for a modern person, are quite permeable to the combined impact of ST and IT. The “capitalization of human capital” in the information age has obtained quite a literal meaning because individual knowledge, skills, and initiative become the main resource and competitive base in digital economy. Using the example of *Agile*, one of the leading practices in modern IT industry, the authors analyzed the specifics of work organization of compact creative groups. The article reveals the ethical aspects of using convergent information and social technologies. The authors conclude that the task of countering destructive influences from ST on the information platform is relevant and even urgent. However, the society has yet to formulate humanistic guidelines for constructive socio-technological design practices.

Keywords: social philosophy, philosophy of technology, socialization of technology, social technological determinism, social influence, soft management, human capital.

Danila G. Dabrardni – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Belarusian State University.

danila_dobr@tut.by

<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>

Vera A. Belakrylava – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Belarusian State Economic University.

ralfinaster@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9918-0093>

For citation: Dabrardni A.D. & Belakrylava V.A. (2021) Convergence of Information and Social Technologies in the Digital Age. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 64, no. 5, pp. 71–92. DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-71-92

Введение

Информационные технологии (ИТ) по праву считаются отличительной чертой современного этапа развития общества. Более того, специфика социума, культуры, экономики, даже индивидуального сознания все чаще определяется именно через информационный (цифровой) атрибут: информационную культуру и потребление, цифровое государство и экономику, цифровой маркетинг и менеджмент, цифровое образование и здравоохранение. Можно

утверждать, что понятия «информационный» и «цифровой» стали синонимами слова «современный», маркерами исторической эпохи. Однако эпохальное значение информационных технологий во многом обусловлено их конвергенцией с технологиями социальными. Масштабные изменения, пришедшие с информационно-технологической революцией второй половины XX века, оставляют в тени сопутствующие социально-технологические процессы. Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливает возможности локальной социальной инженерии. В частности, В.И. Пржиленский замечает: «Без технологизации социальной жизни современное общество также немислимо, как и без машинной техники. Вот почему вопросы взаимодействия социальных технологий с различными сферами социальной жизни оказываются столь важными и интересными» [Пржиленский 2014, 7].

Объектом воздействия информационных и социальных технологий (СТ) становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как индивидов, так и социальных общностей различного масштаба. В настоящей статье попытаемся внести посильный вклад в разрешение не только терминологических, но и концептуальных проблем. Как провести их различие, будучи онтологически погруженными в пространство конвергентного развития ИТ и СТ, в котором информационно-коммуникационная инфраструктура стала неотъемлемой частью большинства ориентированных на человека технологий, а структурирующие жизненный мир ИТ тесно ассоциированы с технологиями и техниками социальной инженерии? Возможна ли подобная демаркация в принципе? Какие факторы (экономические, политические, культурные) стимулируют симбиоз информационной инфраструктуры и возросших возможностей социально-технологического влияния?

Цифровая инфраструктура и человекомерный контент в становлении конвергентной социальной реальности

Понятие «информационные технологии» используется нами в статье в узком смысле, для обозначения устройств и технологий на основе микроэлектроники, получивших распространение с 1970-х годов. К ним относятся прежде всего вычислительная техника (компьютеры и программное обеспечение) и средства коммуникации (компьютерные сети, интернет, мобильная связь,

мультимедиа). В этом узком смысле понятия «информационные технологии» и «цифровые технологии» являются синонимами. Атрибутивный предмет ИТ – проектирование программно-технических средств, сфера их функционирования, т.е. процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов¹. Под социальными технологиями мы понимаем технологии, направленные на изменение сознания и поведения в заранее заданном направлении посредством специальным образом «программируемых» сценариев воздействия. В случае СТ предмет технологизации – это сознание, поведение, деятельность, убеждения человека (общественных групп) [Белокрылова и др. 2021, 141–142].

«Социальные технологии» – понятие часто применяемое в различных контекстах, от образования до бизнеса, от политики до психотерапии. При ближайшем рассмотрении оно демонстрирует парадоксальные свойства. В.И. Пржиленский утверждает: «В исследовательском и управленческом сообществе нет не только единой теории социальных технологий, но и единства во взглядах на то, какие именно виды управленческого воздействия или влияния на общество относятся к данному разряду явлений» [Воскобитова, Пржиленский и др. 2014, 51]. Эффективность технологий (от масштабных проектов политической и экономической направленности до индивидуализированных подходов коучинга и психотерапии) стала причиной повышенного внимания к СТ. Вследствие постоянного совершенствования информационной инфраструктуры проникающий характер СТ внезапно может оказаться весомым фактором внутренней и внешней политики (яркие примеры – события Арабской весны или события в Беларуси в 2020 году). Социально-технологическое противостояние и даже технологические войны – дело, вероятно, недалекого будущего.

Вместе с тем активизацию общественной динамики не следует автоматически отождествлять с воздействием технологий, она может иметь и внутренние естественные причины, например, системные противоречия. Соблазн домыслить технолога-кукловода, стоящего за следующими в определенном направлении

¹ Федеральный закон 2021 – Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». 2006. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/

событиями, был и остается очень сильным, особенно в периоды социальных трансформаций. Но нельзя отрицать, что СТ могут реализовываться инкогнито, мимикрируя под естественные процессы воспроизводства социальной жизни; встраиваются в их механизмы и действуют от их имени. Конвергенция программируемой информационной инфраструктуры и «программирующего» человекоориентированного контента на основе знания специфики индивидуального и группового поведения обеспечивает влияние СТ в цифровую эпоху и стимулирует инвестиции в их разработку и совершенствование.

Использование понятия «конвергенция» для описания «сближения», взаимодействия различных сфер научного знания и технологий, приводящее к появлению революционных инноваций, набирает популярность в начале XXI века в контексте обсуждения достижений в области нано-, био-, информационных и когнитивных технологий (*NBIC*-конвергенция). Одним из первых, кто сделал акцент на конвергенции ИТ в медиасфере и их значении для современного общества, на более широком взаимодействии ИТ с экономическим и социально-политическими процессами, был М. Кастельс [Кастельс 2000; Кастельс 2016]. Возможности конвергенции социальных и информационных технологий привлекают огромное внимание исследователей и специалистов. В первую очередь это касается сферы управления, где применение современных технологий позволяет эффективно распределять ресурсы на локальном и региональном уровне, оптимизировать и автоматизировать многие процессы [Lee, Joshi 2016]. Большое значение конвергенция технологий имеет для решения социальных проблем, сохранения духовной культуры. Вместе с тем существуют опасения, что технический прогресс и особенности современной информационной сферы способны нанести непоправимый урон социально-культурному наследию [Ruzic 2010]. Однако в зарубежной литературе наибольшее внимание уделяется конвергенции внутри информационного сектора, т.е. взаимодействию и взаимному влиянию передовых информационных технологий (искусственного интеллекта, робототехники, сетевых систем, аналитики данных). В результате повышается их эффективность, а развитие ускоряется [Information 2013].

Понятие «конвергенция» в условиях цифровизации социума имеет и более широкую трактовку: как движение к общему содержанию, интегрирующее технологическое, социальное и пси-

хологическое. Изложенный подход близок и Г. Брэдли, которая делает предметом своего анализа психосоциальную среду как активный компонент конвергенции, выделяя четыре ее уровня: индивидуальный, организационный, общинный и социальный. В рамках глобальной экономики происходит сближение технологий и социокультурных норм, технологии перестают быть ценностно нейтральными. Виртуальная среда открывает новые возможности конвергенции рабочего пространства, публичной сферы и частной жизни. На уровне индивида в сетевом обществе наблюдается конвергенция ролей: профессиональной, гражданской и личностной. Г. Бредли не оставляет без внимания и обратную тенденцию дивергенции, ее крайнюю степень – самоизоляция, возникающие как следствие цифрового разрыва [Bradley 2010]. В данной статье понятие конвергенции ИТ и СТ используется для обозначения их тесного взаимодействия, усиливающего эффективность применения в различных сферах. Социальные и информационные технологии настолько «переплелись» в ткани современного общества, что иногда не различимы, порой их невозможно представить друг без друга.

Социализация технологий: осмысление исторических уроков

В большинстве случаев «путь» становления современных ИТ – это именно конвергенция, внедрение в уже сформировавшиеся сферы (например, управление, образование, медиа). Эти сферы, с одной стороны, не теряют своей предметной специфики, с другой – обретают посредством цифровых технологических инструментов новые горизонты. Б.Б. Славин пишет: «Информационные технологии (ИТ) не создают новых отношений, а лишь расширяют возможности и формы коммуникаций между людьми. Во избежание фетиша технологий новые продукты в информационно-коммуникационной области стоит рассматривать как процесс автоматизации уже существующей деятельности человека» [Славин 2012, 3]. В данном случае уместной представляется метафора «социализация технологий». Речь идет не о социализации посредством ИТ, а об обретении технологиями актуального социального статуса, включении их в систему общественных практик и коммуникации.

Несмотря на терминологическую созвучность, социальное влияние информационных технологий не следует автоматизи-

чески отождествлять с технологиями социальными. Социализированные технологии открывают возможности для новых общественных практик, «социальных техник». ИТ не являются исключением. В.И. Пржиленский отмечает: «Интернет как машинная технология создает условия для появления социальных сетей, которые становятся социальными техниками. А вот когда эти сети используются для ведения информационной войны, террористических актов или внушения некоторых идей, образов или эмоций, можно говорить о социальных технологиях. Да и то только в том случае, если войны с использованием сетей ведутся действительно с применением инструкций и алгоритмов, результат использования которых предскажем с высокой степенью точности» [Пржиленский 2016, 14–15].

Технология призвана удовлетворять те или иные практические потребности, реализовывать социальные функции и роли. Она ориентируется на определенные социальные условия. В свою очередь, наличие либо отсутствие последних обуславливает перспективы и темпы развития технологий. Д. Белл это поясняет на примере различия между изобретением, нововведением и их распространением. Изобретение – продукт теоретической науки, оно подчиняется логике научного прогресса. Нововведение определяется способностью коллективов и организаций использовать результаты научных достижений. Нововведения организационно адаптивны. Распространение нововведений зависит от их цены, объема платежного спроса и других социально-экономических факторов. В.Л. Иноземцев в совместной работе с Д. Беллом обращает внимание на то, что в современных условиях роль социальных и организационных структур, обеспечивающих внедрение и распространение технологических инноваций, только растет [Белл, Иноземцев 2007, 261–262].

В качестве драйвера внедрения и распространения технологии может выступать и частный, и государственный интерес. Важное значение может иметь модель государственного управления и экономических отношений, а также другие социокультурные факторы. Подтверждением данного тезиса служит история становления «осевой» технологии цифровой эпохи – интернета (см. подробнее: [Добродородный 2018]). Государственная поддержка правительства США сыграла существенную роль в создании предтечи интернета – компьютерной сети *ARPANET* в 1960–1970-х годах. Но изначально *ARPANET* выражала интересы не только

правительства, но и ученых, инженеров-разработчиков. Правительству (в первую очередь министерству обороны) нужна была децентрализованная система связи между командными пунктами, которые смогли бы продолжить эффективную коммуникацию в случае ядерной атаки СССР и уничтожения центрального штаба или нескольких командных пунктов. Кроме того, правительство, вовлеченное в космическую гонку и гонку вооружений, было заинтересовано в повышении эффективности работы ученых, выражающейся в научно-технических инновациях. Этому должно было способствовать объединение технических мощностей научно-исследовательских центров и университетов в единую сеть. В свою очередь, научное сообщество было также заинтересовано в вычислительных мощностях и создании стабильных каналов научной коммуникации, позволяющей мгновенно обмениваться результатами исследовательской деятельности. Инженеры-разработчики видели в компьютерных сетях новое пространство для творчества и самореализации, пространство, которое первоначально было абсолютно свободным от каких-либо норм и ограничений. Компьютерные сети на начальном этапе считали слишком дорогой технологией, слишком рискованной для частных инвестиций, поэтому они не могли обойтись без финансовой поддержки государства. Однако впоследствии компьютерные сети и интернет не смогли бы быстро развиваться, если бы не дополнительные факторы: альтруизм и авантюризм ученых и инженеров, венчурные инвестиции, которые обеспечили рост сети после ее приватизации, а также глобальные трансформации в медиасфере и организации бизнес-процессов [Кастельс 2004].

ИТ не детерминируют социальное развитие, а реализуются в тесной взаимосвязи с ним. Конкретные социокультурные условия способны и стимулировать, и препятствовать социализации технологии. Об этом свидетельствует история внедрения Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) в СССР, происходившего практически одновременно со становлением интернета. Планово-административная система государственного управления была крайне заинтересована в системе эффективной коммуникации для повышения контроля над производственными процессами и обществом в целом. Но начавшееся в 1960–1970-х годах массовое внедрение автоматизированных систем управления в 1980-е годы стало замедляться, а затем «свернулось». Государственная

инициатива не получила поддержки и понимания исполнителей на местах. Сказался дефицит квалифицированных и заинтересованных кадров, вызывали опасения новые методы управления, не хватало технических средств. Затем возникли значительные проблемы с финансированием инициативы, поскольку альтернативы государственному финансированию разработок не было [Соколов 2011, 67]. Даже мощный командно-административный ресурс государства не помог реализоваться технологической инновации, поскольку она не вызвала массовой поддержки среди ученых-энтузиастов, разработчиков и пользователей, а служила сугубо административным целям. Технология открытой коммуникации, свободного обмена информацией, децентрализованного производства знания противоречила бюрократизму советского государства, принципу секретности большинства научных разработок, закрытости научно-исследовательских и образовательных центров. Следовательно, такая технология, как интернет, не могла получить распространение в СССР, даже при наличии высококвалифицированных ученых и инженеров. Можно сделать вывод о том, что новые ИТ вступили в противоречие с организационной структурой общества и практикой социальных взаимодействий. Конвергенция ИТ и СТ не осуществилась, технические средства не закрепились в ткани социальной жизни и остались невостребованными.

Запрос на «мягкие» технологии управления

На современном этапе формируется полномасштабный запрос на новые ИТ и СТ. Как следствие, наблюдается бум их расширенного воспроизводства и стремительное завоевание все новых регионов человеческого бытия. Подобно тому как при определенных исторических условиях идеи становятся материальной силой, в информационно-коммуникационном обществе значение «управляемой активности» масс экспоненциально возрастает. Это – перспективный ресурс с неограниченной добавленной стоимостью. В результате наблюдается расцвет технологий воздействия как на производителя, так и на потребителя.

Непростая задача – оптимизировать, рационализировать, контролировать эффективность управленческих практик – оставалась актуальной на протяжении всей человеческой истории. Применяли различные «штучные» техники социального управления (многообразные дисциплинарные техники подчинения, эксплуатации,

религиозного и иного убеждения). К ним функционально могут быть отнесены социальные традиции и ритуалы. Мы разделяем мнение о том, что «все это и многое другое оказывается видом человеческой активности с применением “социальной” техники, но такая активность находится на дотехнологическом уровне» [Пржиленский 2016, 14–15]. В постиндустриальной экономике востребованы технологии управления знаниями в корпорациях, обеспечивающие кумулятивный эффект частного опыта, позволяющие «отвязать» знания от индивидуальных носителей и капитализировать их. Существенную роль играют техники кастомизации продукции и услуг под нужды конкретных потребителей.

В ситуации информатизации, глобализации, мультикультурных процессов и аксиологического плюрализма очевидной становится ограниченность моделей традиционного «вертикального» управленческого воздействия. Сетевому формату коммуникации современного общества, утвердившемуся благодаря соответствующим трендам *IT*, коррелятивны «мягкие» технологии социального проектирования. Следует учитывать и цивилизационные завоевания гуманизма, личностной автономии, политические права и свободы, требование политкорректности, которые накладывают определенные ограничения на авторитарное управляющее воздействие. Поэтому современные СТ могут быть дифференцированы из массива управленческих практик по признаку опосредованного (непрямого) воздействия [Белокрылова 2020].

СТ подводят субъекта к определенной идее, убеждению, линии поведения, в то время как решение остается в его внутренней компетенции. Однако со значительной долей вероятности оно соответствует исходным целям технологии. Личные границы, ставшие для современного человека неотъемлемой составляющей психологического и социального благополучия, оказываются пронизываемыми для объединенного воздействия СТ и ИТ. Вопреки распространенному стереотипу, социотехнологические практики не ориентированы на воспроизводство пассивных механически направляемых «винтиков», а напротив, служат средством стимулирования внутренней активности (но в определенном направлении).

Цифровую эпоху отличает потребность в более тонкой настройке воздействия на человека, что обеспечивает не просто подчинение и дисциплину, а высокомотивированный труд, инициативность, эмоциональную вовлеченность, креативность.

В этом смысле «капитализация человеческого капитала» имеет буквальное значение, поскольку именно индивидуальные знания, навыки, инициативность становятся главной ресурсной и конкурентной базой современных субъектов хозяйствования.

Технология гибкого управления проектами *Agile* является примером попытки обеспечить продуктивность организации труда через вовлеченность и мотивированность сотрудников, профессиональную коммуникацию, командный дух, оптимальное соотношение вертикальных и горизонтальных взаимодействий внутри коллектива, поддержание диалога и согласование позиций между коллективом и заказчиком. Случай *Agile* примечателен в том отношении, что инженеры-разработчики, профессионалы в области проектирования цифровых технологий, самостоятельно обратились к проектированию социально-организационных технологий оптимизации своей профессиональной деятельности.

Agile быстро набрал популярность, стал новым стандартом управления разработкой программного обеспечения в мире, фактически современным стандартом организации труда в таких ИТ-компаниях, как *Facebook*, *Amazon*, *Apple*, *Google* и *Netflix*². К числу преимуществ *Agile* обычно относят деbüroкратизацию («работающее программное обеспечение важнее исчерпывающей документации»³), демократизм и самоорганизацию как основу философии и главную движущую силу; коллективную ответственность и коллективную рефлексию над путями повышения эффективности («команда должна систематически анализировать возможные способы улучшения эффективности и соответственно корректировать стиль своей работы»⁴). Самые лучшие требования, архитектурные и технические решения рождаются у самоорганизующихся команд. В этом убеждены авторы Манифеста. Судьба проекта находится в руках мотивированных специалистов, а значит, всё, что требуется для успешной работы, – обеспечить им соответствующие условия и определенный кредит доверия.

Однако проникнутые идеями коллективизма и командной солидарности положения философии *Agile* («мы приветствуем креативность и инновационный подход, признавая, что основная ценность

² Хенди 2019 – Хенди. К. Agile: крупнейшая идеологическая проблема в ИТ. 2019. – URL: <https://habr.com/ru/company/piter/blog/448668/>

³ Манифест 2001 – Agile-манифест разработки программного обеспечения. – URL: <https://agilemanifesto.org/iso/ru/manifesto.html>

⁴ Там же.

проекта – это люди»⁵) не должны заслонять стратегическую цель данной технологии – увеличение отдачи от инвестиций. Клиентоориентированность выступает в Манифесте в качестве одного из центральных принципов. Деятельность команды протекает в условиях постоянной неопределенности, «готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану». Принципиальными при этом являются гибкость, простота, умение оперативно адаптироваться к изменениям промежуточных целей. Кроме того, работающая в условиях неопределенности и изменяющихся требований, подходов команда разработчиков должна уметь не просто поддерживать постоянный темп, а непрерывно совершенствоваться.

Критики *Agile* отмечают решение проблемы скорости разработки за счет качества выпускаемого продукта⁶, прессинг в отношении формально замеряемой личной эффективности. Задуманное его создателями как деbüroкратизированное, либеральное, основанное на демократизме командной работы и коллективной ответственности управление при проверке оказывается «гибким управлением в ежовых рукавицах»⁷. Безусловно, *Agile* позволяет активизировать эмоциональную вовлеченность работников с учетом максимального стимулирования командного духа, расширенных полномочий самоорганизации и самоуправления в творческом коллективе, коллективной ответственности за результат. Однако эта же технология открыто преследует цели максимизации эффективности за счет уменьшения времени на разработку, постоянного роста индивидуальной выработки, создания максимально комфортных условий для клиента и увеличения нагрузки на разработчика. *Agile* как успешная технология капитализации человеческого капитала начинает применяться в качестве организационной методологии в сфере продаж, образовательной деятельности, государственном управлении [Данилина 2017; Лукашенко, Телегина 2019; Андреева, Синявская 2018].

Социальное проектирование в цифровом обществе:

Конвергентная социотехнологическая реальность открывает многообещающие перспективы и одновременно становится

⁵ Там же.

⁶ Шейн 2016 – Шейн А. Жертвы Agile: почему гибкая методология разработки губит крупный бизнес и помогает малому. 2016. – URL: <https://vc.ru/flood/20942-agile-victims>

⁷ Савкин 2017 – Савкин К. С. Agile тренд: управление компаний в 2018 году. – URL: <https://www.savkinks.ru/agile-trend.htm>

источником вызовов и рисков. Это типично для утверждения новых технологических укладов. Консолидированная экспансия социальных и информационных технологий специфична порождением особой конвергентной среды, оказывающей экстенсивное (расширяющееся по масштабам) и интенсивное (углубляющееся по степени влияния) человекомерное воздействие.

Социальные трансформации сегодня – это не просто функция возросших возможностей информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Современные ИКТ изначально социализированы. Уже на стадии разработки они ориентированы на встраивание в ткань социальных взаимодействий, удовлетворение определенных социальных потребностей и запросов. Технологии перестают быть чистой формой, в которую можно вложить произвольное содержание, подобно тому как расщепление атома открыло перспективы для созидательной ядерной энергетики и смертоносного оружия. Вместе с тем композит технического и социального – это лишь один из возможных ответов на формирующийся в недрах общественной структуры запрос. Например, архитектура социальных сетей содержит возможности «бана» – лишения либо ограничения прав пользователя, что становится инструментом социального исключения, средством цензуры и превентивного контроля массовых практик в цифровой среде. Кроме того, сетевые технологии обеспечивают принудительную публичность, открывающую возможности манипулирования общественным мнением через целенаправленные информационные «вбросы».

Поскольку жизненные стратегии современного человека все чаще разворачиваются именно в виртуализированном пространстве, технологии блокировки пользователей фактически знаменуют новую форму дисциплинарности, а сетевые технологии публичности обращены к контролю над репутацией. Что в этом случае первично: социальная востребованность или технологическая возможность ее реализации? Суть данного вопроса фактически заключается в том, чего в виртуальных технологиях больше – социального или технического. Открыл ли прогресс ИКТ более глубокие возможности дисциплинарного нормирования по сравнению с предшествующими эпохами, в рамках которых функционал социального исключения, контроля и «репутационного менеджмента», очевидно, существовал, но реализовывался другими средствами? На наш взгляд, противопоставлять стоит не социальное и техническое, а дотехнологическое и техноло-

гизированное воздействие. В новой конвергентной реальности технологическому противоположно не «естественное», а «кустарное». Под «кустарным» в данном случае понимается ручной режим управления и, шире, социального влияния, находящийся в значительной зависимости от индивидуальных особенностей его агентов, в связи с чем результаты носят достаточно случайный характер. От «промышленного», опирающегося на технологии и науку, «кустарный» способ отличает отсутствие или недостаток планирования, прогнозирования и контроля.

Представляется уместным еще раз акцентировать внимание на важном для концептуализации современной конвергентной социально-технологической реальности различии: 1) технологии, ориентированные на определенные производственные, коммуникативные и т.п. задачи, параллельно оказывающие воздействие на человека и общество; 2) технологии, целевым образом спроектированные для получения определенных поведенческих/ментальных реакций от своих реципиентов. Провести эмпирическую грань между данными «идеальными типами» не всегда возможно, поскольку первая категория демонстрирует устойчивую тенденцию перетекания во вторую, а технологии второй категории активно инструментализируют содержание первой. Трудности онтологической верификации конвергентных технологий обусловлены тем, что «современные технологии имеют тенденцию к относительной эмансипации от субъекта их порождения. Это также касается феномена современных информационных технологий и их имплицитной включенности в спектр социальных технологий как таковых» [Антипов 2014, 1488].

«Новая технологическая волна» интерпретируется в духе неограниченного социального могущества, что неоднократно происходило в истории восхождения технологических укладов и соответствующих управленческих и общественно-политических парадигм. Ее манифестацией становится концепт нетократии – власти, основанной на сетевых технологиях. Так, Н.Д. Узлов пишет: «В новой модели управления большое значение приобретает капитализация психических ресурсов. Реальным источником власти нового правящего класса, безусловно, будет являться новая система технологий управления поведением» [Узлов 2011, 68].

Традиционные типы социальных интеракций – субъект-объектное, субъект-субъектное взаимодействие – могут быть дополнены триадой: субъект – технология – субъект. Социаль-

ные технологии чаще всего подводят субъекта к определенной идее, убеждению, линии поведения, в то время как решение остается в его внутренней компетенции. Однако со значительной долей вероятности оно соответствует исходным целям технологии. А.С. Дацюк отмечает: «Происходит не властное принуждение к некоторому выбору, а создание такой ситуации, при которой выбор происходит естественно, но внутри самого пространства перспективы, а действия управляемого могут варьироваться и выбираться им самостоятельно. Управление поведением – это работа на опережение в условиях конкуренции инициатив» [Дацюк 2006].

Озабоченность современной социально-технологической экспансией выражают не только исследователи, но и политики. Например, А.Г. Лукашенко замечает: «Некоторые вещи пришли к нам настолько неожиданно. Не из-за беспечности. Просто мы этого не ожидали. А как можно ожидать, что через интернет, *Telegram*-каналы так глубоко залезут в мозги, в головы людей»⁸. В данном контексте уместно было бы задуматься о возможностях и границах социально-технологического воздействия. Дискуссионным остается вопрос о том, существуют ли в информационную эру нетехнологизируемые области общественного бытия? В.А. Лекторский предостерегает: «С помощью разного рода технологий, в том числе социальных, можно создавать условия для лучшего проявления специфически человеческих качеств (так, с помощью педагогических технологий можно создавать условия для развития творческих способностей). Но нельзя управлять свободой, творчеством, любовью, диалогом» [Лекторский 2011, 46].

В качестве атрибута социальных технологий выступает их возникновение в результате целенаправленной деятельности, моделирующей определенные фрагменты социальной реальности (сознание, поведение, взаимодействия, институты) в соответствии с намерениями и интересами субъекта (конструктора, социального инженера). Однако «искусственность» намерений и целей по аналогии с технознанием основана на знании об объективных параметрах и характеристиках социальной среды, психологической конституции человека. Технология как проектирующая деятельность предполагает знание не просто свойств объектов и процессов, обнаруживаемых как естественная данность, но и

⁸ Интервью представителям ведущих российских СМИ // Президент Республики Беларусь. 2020, 8 сентября. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/intervyu-predstaviteljam-vedushchih-rossijskih-smi>

знания о знании, т.е. рефлексивный уровень. Проектные задачи реализуются не вопреки, а благодаря объективным «естественным» параметрам исходного социального объекта, сообразно с его природой. А.А. Аргамакова отмечает: «Социальные “демиурги” обычно не с нуля творят реальность, а совершенствуют уже существующие практики» [Аргамакова 2008, 79]. Таким образом, социальные технологии информационного общества предполагают определенное окно возможностей. Ввиду этого А.С. Дацюк заключает: «Любое влияние возможно, с одной стороны, на изменяющееся общество, с другой стороны, внутри его собственной перспективы, с третьей стороны, внутри его собственного культурного пространства. Попытка оказывать влияние на основании некоторого ностальгического содержания прошлого может быть некоторое время успешной, но в целом является бесперспективной, поскольку эксплуатирует отмирающие смыслы, а не создает новые» [Дацюк 2006].

Процесс социализации внедряемых в общественную практику технологий должен оцениваться не только с позиций их эффективности, но и с позиций гуманитарной экспертизы, широкого общественного обсуждения. Ярким примером конвергенции СТ и ИТ служат рейтинговые системы, сбор и ранжирование пользователей по определенным критериям. Беспрецедентный масштаб приняла система социального рейтинга, разработанная в КНР, где возможности ИТ и стремление к социальному контролю, управлению поведением и мотивацией реализованы синкретично. С философской точки зрения, технология социального рейтинга как «мягкой силы», которая управляет поведением индивида при помощи цифрового контроля и системы бонусов/наказаний, всячески его мотивирует совершать социально приемлемые поступки, лишает человека возможности самостоятельно и осознанно принимать решения, критически относиться к социальному окружению, задумываться над своим поведением и его последствиями, редуцирует целерациональную субъектность, свободу выбора, духовный поиск и развитие до элементарных действий в своеобразной виртуальной игре. Существует опасность того, что технология социального рейтинга будет способствовать формированию социальной массы конформистов, соревнующихся в успешности приспособления под требования рейтинговой системы. Относительно современной КНР можно говорить о перспективах формирования и закрепления «демократического большинства авторитарных индивидуумов» [Графов 2019].

Очевиден тот факт, что СТ активно используют ИТ в качестве средства достижения своих целей, многие из них стали возможны благодаря развитию ИТ. Но речь о СТ может идти лишь в том случае, если их предметная направленность (то, что пытаются изменить в заданном направлении) – человек и общество, когда присутствуют четкие цели, средства и алгоритмы достижения подобных изменений. В свою очередь, востребованность ИТ в качестве платформы эффективного и высокопродуктивного инструмента социального влияния, мягкого регулирования общественных процессов в желаемом направлении, будь то коммерческий или государственный интерес, во многом обусловило заказ на их разработку и распространение. Конвергентное функционирование обоих видов технологий в информационную эпоху становится и внутренним драйвером их совершенствования, и одновременно источником культурных вызовов, поскольку социальные и информационные технологии не являются интеллектуальными и гуманными просто по умолчанию.

Заключение

В глобальную информационную эпоху пристального изучения требуют не только масштабные социально-технологические проекты, с критикой в отношении которых выступал К. Поппер, но и локальные последствия, индуцируемые точечным воздействием конвергентных технологий. Системная интеграция ИТ и СТ в жизнедеятельность современного общества, латентные формы их реализации актуализируют проблему гуманитарной экспертизы технологических проектов. В ракурсе внимания должны находиться границы и потенциально запретные приемы и методы, которые чреватые деструктивными последствиями. Определение границ применимости таких технологий и методов – прямая миссия гуманитариев. Принципиальное значение для философского осмысления природы конвергентной социально-технологической реальности имеет вопрос о том, являются ли СТ в конечном счете производной наук о человеке и обществе, или в данном случае наука «плетется в хвосте» у доказавшей свою эффективность практики [Белокрылова 2021, 49–50].

Важным предметом философского осмысления является вариативность форм проявления современных социально-технологических вызовов и рисков. Актуальной практической повесткой обладает задача противодействия деструктивным

Д.Г. ДОБРОРОДНИЙ, В.А. БЕЛОКРЫЛОВА. Конвергенция информационных...
воздействиям со стороны СТ, реализуемых на информационной платформе. В свою очередь, гуманистические ориентиры конструктивного социально-технологического проектирования еще только предстоит сформулировать. Эта задача предполагает разработку и обоснование системы этических и методологических критериев экспертной оценки технологий на предмет деструктивности, общественной опасности, манипулятивного потенциала. В эпоху всеобщей коммодификации дистанция между императивом эффективности и императивом гуманизма постоянно увеличивается, а ключевым параметром технологии как таковой остается целерациональность. Поэтому процесс социализации человекомерных социальных и информационных технологий должен стать предметом широкого общественного обсуждения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Андреева, Синявская 2018 – *Андреева Р.Н., Синявская О.Ю.* Scrum: гибкость в жестких рамках // Вестник Государственного университета управления. 2018. № 2. С. 12–20.

Антипов 2014 – *Антипов А.С.* Место технологии в процессах социального конструирования // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 1485–1489.

Аргамакова 2015 – *Аргамакова А.А.* Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 70–84.

Белл, Иноземцев 2007 – *Белл Д., Иноземцев В.* Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. – М.: Журнал «Свободная мысль»; Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

Белокрылова 2020 – *Белокрылова В.А.* Феномен социальных технологий в контексте управленческих стратегий постиндустриального общества // Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации: сборник тезисов докладов по материалам Международной научно-практической конференции, 15 декабря 2020 года, г. Минск. – Минск: БГЭУ, 2020. С. 359–365.

Белокрылова 2021 – *Белокрылова В.А.* Социогуманитарные технологии в пространстве современного общества // *Doctrina studia społeczno-polityczne*. 2021. № 18. С. 47–60.

Белокрылова и др. 2021 – *Белокрылова В.А., Лукашевич В.К., Никитина Ю.Ф.* Социально-гуманитарные технологии в инфраструктуре «общества риска» // Философские исследования. Сборник научных трудов. Выпуск 8. – Минск: Беларуская навука, 2021. С. 137–148.

Воскобитова, Пржиденский и др. 2014 – *Воскобитова Л.А., Тульчинский Г.Л., Захарова М.В., Пржиденский В.И.* Социальные технологии

и гуманистические ценности. Рефлексируя проблему // Философские науки. 2014. № 10. С. 47–52.

Графов 2019 – *Графов Д.Б.* Повышение устойчивости политической системы КНР и система социального рейтинга // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 3. С. 235–248.

Данилина 2017 – *Данилина Н.В.* Гибкие методы в государственном управлении: опыт зарубежных стран // Государственное и муниципальное управление: вызовы и приоритеты. Материалы III международной научно-практической конференции, Москва, 8 декабря 2017 года. – М.: РУСАЙНС, 2017. С. 114–119.

Дацюк 2006 – *Дацюк С.А.* Гуманитарные технологии как инструменты влияния // Центр гуманитарных технологий. 2006. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2749>.

Добродородный 2018 – *Добродородный Д.Г.* Социокультурные условия становления сети Интернет // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2018. № 2. С. 23–28.

Кастельс 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Кастельс 2004 – *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004.

Кастельс 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

Лекторский 2011 – *Лекторский В.А.* Рациональность, социальные технологии и судьба человека // Эпистемология и философия науки. 2011. № 3. С. 35–48.

Лукашенко, Телегина 2019 – *Лукашенко М.А., Телегина Т.В.* Научить студента думать: Scrum как метод продуктивного обучения в учебном заведении // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 138–142.

Пржиленский 2014 – *Пржиленский В.И.* Социальные технологии и гуманистические ценности. Pro et contra // Философские науки. 2014. № 10. С. 7–8.

Пржиленский 2016 – *Пржиленский В.И.* Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Норма, Инфра-М, 2016.

Славин 2012 – *Славин Б.Б.* Конвергенция архитектур социальной и корпоративной информационной среды человека // Бизнес-информатика. 2012. № 5. С. 3–9.

Соколов 2011 – *Соколов А.В.* Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. – СПб.: Алетейя, 2011.

Узлов 2011 – *Узлов Н.Д.* Настоящее и будущее гуманитарных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 4. С. 62–70.

Bradley 2010 – Bradley G. The Convergence Theory on ICT, Society and Human Beings – towards the Good ICT society // TripleC: Communication, Capitalism & Critique. 2010. Vol 8. No. 2. P. 183–192.

Information... 2013 – Information Technology Convergence: Security, Robotics, Automations and Communication / ed. by J.J. Park, L. Barolli, F. Xhafa, H.-Y. Jeong. – Dordrecht: Springer, 2013.

Lee, Joshi 2016 – Lee K., Joshi K. Importance of Globalization in the Information Technology Convergence Era // Journal of Global Information Technology Management. 2016. Vol. 19. No. 1. P. 1–5.

Ruzic 2010 – Ruzic F. Empowering Social Knowledge with Information Technology: Technological and Cultural Issues Convergence // Social Knowledge: Using Social Media to Know What You Know. – Hershey, PA; New York: IGI Global, 2010. P. 249–291.

REFERENCES

Andreeva R.N. & Sinyavskaya O.Yu. (2018) Scrum: Flexibility within a Rigid Framework. *Vestnik Universiteta*. No. 2, pp. 12–20 (in Russian).

Antipov A.S. (2014) The Place of Technology in the Social Designing Processes. *Fundamentalnye issledovaniya*. No. 8, pp. 1485–1489 (in Russian).

Argamakova A.A. (2015) Applied Socio-Humanitarian Knowledge, Social Technologies and Engineering. *Epistemology and Philosophy of Science*. No. 4, pp. 70–84 (in Russian).

Bell D. & Inozemtsev V.L. (2007) *The Era of Disunity: Reflections on the World of the 21st Century*. Moscow: Svobodnaya mysl'; Center for Research of Post-Industrial Society (in Russian).

Belokrylova V.A. (2020) The Phenomenon of Social Technologies in the Context of Management Strategies of Post-Industrial Society. In: A.A. Golovach (Ed.) *Philosophy and Economics in the Era of Digital Transformation* (pp. 359–365). Minsk: BSEU (in Russian).

Belokrylova V.A. (2021) Socio-Humanitarian Technologies in the Space of Modern Society. *Doctrina studia społeczno-polityczne (Doctrina. Social and Political Journal)*. No. 18, pp. 47–60 (in Russian).

Belokrylova V.A., Lukashevich V.K., & Nikitina Yu.F. (2021) Social and Humanitarian Technologies in the Infrastructure of the Risk Society. In: Adu-lo T.I. & Dudchik A.Yu. (Eds.) *Philosophical Studies. Collection of scientific works* (Issue 8, pp. 137–148). Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).

Bradley G. (2010) The Convergence Theory on ICT, Society and Human Beings – towards the Good ICT society. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*. Vol 8, no. 2, pp. 183–192.

Castells M. (1996–1998) *The Information Age*. Cambridge, MA: Blackwell (Russian translation: Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2000).

Castells M. (2001) *The Internet Galaxy, Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004).

Castells M. (2009) *Communication Power*. Oxford: Oxford University Press (Russian translation: Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2016).

Danilina N.V. (2017) Agile in Public Administration: the Experience of Foreign Countries. In: Zudenkova S.A. (Ed.) *State and Municipal Governance: Challenges and Priorities* (pp. 114–119). Moscow: Ru-Science (in Russian).

Datsyuk A.S. (2006) Humanitarian Technologies as Instruments of Influence. *Center for Humanitarian Technologies*. From <https://gtmarket.ru/library/articles/2749> (in Russian).

Dabrarodni D.G. (2018) Socio-Cultural Conditions of the Internet Network Becoming. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. No. 2, pp. 23–28 (in Russian).

Grafov D.B. (2019) “Social Credit System” and Other Approaches to Strengthen Stability of China’s Political System. *Journal of the RAS Institute of Oriental Studies*. No. 3, pp. 235–248 (in Russian).

Lee K. & Joshi K. (2016) Importance of Globalization in the Information Technology Convergence Era. *Journal of Global Information Technology Management*. Vol. 19, no. 1, pp. 1–5.

Lukashenko M.A. & Telegina T.V. (2019) Teaching the Student to Think: Scrum as a Productive Learning Method in the School. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. Vol. 8, no. 2, pp. 138–142 (in Russian).

Lektorsky V.A. (2011) Rationality, Social Technologies and the Fate of Man. *Epistemology and Philosophy of Science*. No. 3, pp. 35–48 (in Russian).

Park J.J. Barolli L., Xhafa F., & Jeong H.-Y. (Eds.) (2013) *Information Technology Convergence: Security, Robotics, Automations and Communication*. Dordrecht: Springer.

Przhilensky V.I. (2014) Social Technologies and Humanist Values. Pro et Contra. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskiye nauki*. No. 10, pp. 7–8 (in Russian).

Przhilensky V.I. (2016) *Social Technologies: Fundamental and Applied Problems*. Moscow: Norma, Infra-M (in Russian).

Ruzic F. (2010) Empowering Social Knowledge with Information Technology: Technological and Cultural Issues Convergence. In: Girard J.P. & Girard J.L. *Social Knowledge: Using Social Media to Know What You Know* (pp. 249–291). Hershey, PA: IGI Global.

Slavin B.B. (2012) Convergence Architectures of Social and Corporate Information Environment of a Human. *Binzness-Informatika*. No. 5, pp. 3–9 (in Russian).

Sokolov A.V. (2011) *Information Society in Virtual and Social Reality*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Uzlov N.D. (2011) The Present and the Future of Humanitarian Technologies. *Perm University Herald. Series: Philosophy, Psychology, Sociology*. No. 4, pp. 62–70 (in Russian).